

МЕЖДУ ЧАСТНЫМ И КАЗЕННЫМ: КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ, ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДОКТРИНА И СПОРЫ О СОБСТВЕННОСТИ

Отмена крепостного права 150 лет тому назад, в 1861 г., стала вторым в XIX в. масштабным приступом государства к регулированию жизни самого многочисленного сословия Российской империи. Первая, реформа гр. П.Д. Киселева, касалась крестьян казенных; в историографии она справедливо рассматривается как неудавшаяся попытка создать модель, которая в дальнейшем могла бы быть применена ко всем крестьянам, в том числе помещичьим¹. Хотя вопрос о значении киселевского опыта для создателей «Положений» 19 февраля 1861 г. затрагивался в исторической литературе², из поля зрения исследователей выпал другой важный вопрос: каким образом опыт отмены крепостного права повлиял на дальнейшую судьбу казенных крестьян? По сравнению с освобождением около 20 млн помещичьих крестьян, реформам государственной деревни сначала в 1866, а затем в 1886 г., касавшимся почти такого же количества крестьян казенных, незаслуженно уделяется гораздо меньше внимания. Напомню, что по закону 1866 г. за государственными крестьянами закреплялись находившиеся в их пользовании наделы, на которые они должны были постепенно получать «владенные записи». При этом с них взималась «государственная оброчная подать», по сути соответствовавшая прежним оброчным платежам. Избавляться от этой подати крестьяне могли на добровольной основе, внося в казну сумму, равную ее годовому окладу, капитализированному из 5% (т.е. умноженному на 20). Никакого содействия правительства при этом не предполагалось³, так что воспользоваться этой опцией могли лишь немногие⁴. В 1886 же году по инициативе министра финансов Н.Х. Бунге (бывшего члена Редакционных комиссий, готовивших «Положения» 19 февраля 1861 г.) был принят закон, согласно которому оброчная подать повсеместно и обязательно преобразовывалась в выкупные платежи с одновременным ее повышением. Выкуп должен был растянуться на 44 года и закончиться к 1931 г.⁵

О смысле правительственной политики по отношению к казенным крестьянам, о соотношении реформ в помещичьей и государственной деревне написано очень мало. Между тем очевидно, что реформа 1866 г. не была простым приложением законов 19 февраля к другой категории крестьян. Но в чем ее авторы видели разницу между частновладельческими и казенными крестьянами и между задачами власти по отношению к тем и другим? Почему правительство не пошло в середине 1860-х гг. на выкупную операцию в государственной деревне, хотя она не требовала никаких инвестиций (достаточно было, как это и сделал Бунге, засчитывать текущие платежи в качестве выкупных)? Каким мыслилось в то время будущее казенных крестьян? Ясных ответов на эти вопросы нет, хотя без отчетливого их понимания наши представления о крестьянской реформе лишаются важной перспективы.

В самом деле, при всех различиях в статусе помещичьих и государственных крестьян, реформа 1861 г., как и преобразования Киселева, должна была коснуться и тех, и других. Собственно, целью правительства в обоих случаях была именно унификация их положения, причем не только административная и правовая, но и хозяйственно-экономическая. И хотя такое «выравнивание» в целом отвечало потребностям государственной власти, путь к нему не был гладким. С конца 1830-х гг. (начало реформы Киселева) до 1886 г. прошло полвека. За это время серьезно изменились и представле-

---

* Христофоров Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

ния о задачах государства, и управленческие практики, и само российское общество. Понятно, что эти перемены, особенно идеологического характера, оказывали большое влияние на правительственный курс. Другим важным фактором была политическая борьба в «верхах» и в обществе, определявшая порой даже, казалось бы, сугубо технологические решения (например, о проведении кадастра). В данной статье, не имея возможности исчерпывающе осветить все эти переплетающиеся проблемы, я хотел бы ограничиться их постановкой и аргументировать некоторые соображения на основе анализа как уже введенных в научный оборот, так и новых, преимущественно архивных данных.

* * *

Патерналистская идеология, лежавшая в основе реформы Киселева, предполагала, что государство должно во имя блага подданных максимально расширять свое присутствие в их жизни (в особенности – в жизни не способных позаботиться о себе подобно детям «низших сословий»). Николай I не собирался «эмансипировать» помещичьих крестьян (т.е. превращать их в свободных и полноправных граждан), он желал лишь простереть над ними благодетельную длань государственной власти, попечительного внимания которой они были, по его мнению, незаслуженно лишены благодаря крепостному праву. Именно поэтому, кстати, он терпеть не мог понятия «свободные хлебопашцы» и уже в конце 1840-х гг., несмотря на пиетет перед памятью старшего брата, настоял на переименовании их в «государственных крестьян, водворенных на собственных землях»⁶. Можно считать, что программой-максимум императора было включение в эту последнюю категорию всех вообще крестьян империи. Средством и одновременно целью реформы оказывались рационализация и регламентация их жизни: не только повинностей перед государством (для крепостных – перед владельцем, к чему и сводились инвентари), но и условий хозяйствования, быта, даже нравственности. Эти задачи требовали серьезного наращивания бюрократического аппарата и разработки множества разнообразных норм и правил, чем и занялось новое министерство государственных имуществ (МГИ).

Осуществление реформы Киселева инициировало в «верхах» многочисленные споры о том, какое хозяйство эффективнее – казенное или частное. Поскольку поместное дворянство без труда поняло, что государственной деревней амбициозный министр ограничиваться не собирается, неудивительно, что наиболее жесткая критика Киселева звучала из уст именно тех представителей элиты, которых не устраивал сам принцип государственного регулирования «пожалованных» некогда дворянству прав и свобод. При этом вроде бы выходило, что противники МГИ (наиболее ярким из них был вельможа и острослов кн. А.С. Меншиков) следуют западной физиократической традиции, которая легла в основу доктрины экономического либерализма и доминировала в европейской экономической мысли середины XIX в. Сам факт использования ими элементов либерального языка для защиты сословных привилегий не являлся чем-то необычным для истории европейского либерализма – элитарной по сути идеологии, аристократическая составляющая которой всегда была ощутима и влиятельна⁷.

Ядро же «киселевцев» составили амбициозные представители нового поколения бюрократической элиты, сторонники использования самых современных по тем временам методов администрирования и сплава научных и бюрократических технологий в духе О. Конта. «Либеральные бюрократы» не только не отвергали плодотворности государственного вмешательства в экономику, но, напротив, считали, что лишь правительство способно рационализировать архаичные формы труда и социальных отношений, и в первую очередь – крепостное право⁸.

К середине XIX в. идеологический контекст крестьянского вопроса еще больше усложнился полемикой о достоинствах и недостатках общинного хозяйства по сравнению с рационализированным фермерским. Вплоть до конца 1830-х гг. в «верхах» и в общественном мнении доминировало представление о крестьянской общине как

об институте архаичном и неэффективном. Правда, оно было основано не на каких-то специальных исследованиях, а на довольно абстрактных представлениях о «норме», почерпнутых опять-таки в классической экономической доктрине. Поощрение участкового землепользования было одним из важных пунктов и в программе Киселева. Однако к концу царствования наметился ощутимый поворот к «историческим основам» аграрного строя. Написанное при поддержке русского правительства сочинение барона А. фон Гакстгаузена, который одним из первых озвучил ставшую затем расхожей идею о том, что община является гарантией от пролетариата⁹; растущее влияние славянофильства, наконец, неудачи экспериментов по насаждению хуторов, – все это привело к распространению взгляда, что общину, несмотря на ее недостатки, «трогать» не стоит¹⁰.

С началом нового царствования славянофилы получили возможность выйти из «полуподполья» и начали активно выступать в печати с пропагандой своих взглядов, в которых критика рационализма (в том числе бюрократического) соединялась с отстаиванием широких реформ во имя воссоздания «исторических корней». Одновременно в общественном мнении наметился поворот в сторону либеральной доктрины. Он был вызван разочарованием в централизации и тотальной правительственной опеке, которые составляли для современников (в том числе многих так называемых крепостников) квинтэссенцию ставшей вдруг ненавистной «николаевской системы»¹¹. При этом классическое *экономическое* учение с его догматами о преимуществах нерегулируемого рынка, вольнонаемного труда и частной собственности не приобрело в тогдашней России резко оппозиционного звучания, поскольку было не ново для образованного общества¹². Иное дело – политический либерализм, ярче всего представленный в тогдашней Европе оппозицией авторитарному режиму Наполеона III (Л. Фосе, А. Тьер, но прежде всего А. де Токвиль)¹³. Все эти разнородные влияния сходились в том, что стало в России лозунгом дня – необходимости сокращения государственного вмешательства во все сферы жизни.

Каким было воздействие этих подвижек в идеологическом климате на постановку крестьянского вопроса? Помещики, которые и при Николае I считали, что власть не должна вмешиваться в их отношения с крестьянами, лишь получили дополнительную возможность активно ссылаться на модных европейских авторов. Прогрессистские же, реформаторские круги, особенно в среде столичного чиновничества, оказались в более сложном положении, ведь либеральная доктрина, которую они в общем и целом не могли не признавать, приходила в данном случае в явное противоречие с концепцией «реформ сверху». Противоречила она, в частности, и патерналистскому опыту МГИ.

Неудивительно, что накануне 1861 г. реформаторы, как и их противники, много размышляли о значении киселевского опыта и приходили к неоднозначным выводам. С одной стороны, заслуги Киселева и его сотрудников в «крестьянском деле» казались бесспорными, а опыт, полученный государством за годы существования созданного им министерства, сыграл колоссальную роль при подготовке отмены крепостного права. С другой – к концу 1850-х гг. образ МГИ как самого передового ведомства николаевской эпохи сильно потускнел. Несмотря на это, многие члены кружка «либеральных бюрократов», прошедшие «киселевскую школу» или связанные с ней единством взглядов (племянник Киселева Н.А. Милютин, его бывшие сотрудники Я.А. Соловьев, А.П. Заблоцкий-Десятовский, К.И. Домонтович, и др.), сохраняли очень высокое мнение о достижениях МГИ.

Иной была дилемма для двух представителей славянофильского кружка, игравших ключевую роль в Редакционных комиссиях – Ю.Ф. Самарина и кн. В.А. Черкасского. Самарин, с одной стороны, признавал: «В убеждениях всей России имя графа Киселева связано с идеей, которой мы служим»¹⁴. С другой стороны, это не помешало ему, как и Черкасскому, очень критически оценивать опыт МГИ и негативно отнестись к попыткам Милютина и Соловьева положить его в основу будущего устройства крестьянского самоуправления. В конце концов, разгоревшийся было из-за этого конфликт «бюрократической» и «славянофильской» фракций в своей среде реформаторам удалось пога-

силь¹⁵. Однако различий во взглядах это не сняло. В мае 1861 г., уже после принятия и обнародования «Положений» 19 февраля, Самарин в письме к Н.А. Милютину, находившемуся тогда в длительном отпуске, сформулировал свой взгляд предельно четко: «Если учреждение Министерства государственных имуществ, бесспорно, задуманное на широких и либеральных основаниях, так мало сделало для подъема народного духа, то это именно потому, что там казна-землевладелец... сливалась в одно лицо с правительством. Куда бы ни повернул казенный крестьянин, он везде встречает перед собою начальство, которому должен повиноваться, но с которым нельзя ни тягаться, ни спорить». Настаивая в этой связи на огромном значении срочно-обязанных отношений в помещичьей деревне для «гражданского воспитания» бывших крепостных, обретающих в борьбе с помещиками свое самосознание, Самарин заключал: «Далеко не то было бы, если б удалось сразу порешить дело начистоту, развязав окончательно и одним почерком пера превратив крепостных в должников казны»¹⁶.

Как видим, в отстаивании независимой от государства сферы «гражданских отношений», где в конфликте противоборствующих интересов (в данном случае – помещиков и крестьян) оформляется само общество, Самарин звучал предельно либерально. Другое дело, что параметры самого этого конфликта были заранее и довольно жестко срежиссированы в Редакционных комиссиях. Как известно, в ходе подготовки отмены крепостного права идея свободных договоров землевладельцев и крепостных, на которой настаивали многие «крепостники» и которая соответствовала либеральной догме, была безоговорочно отвергнута в пользу государственной регламентации отношений двух сторон. Однако целью последней уже не могло быть, как при Киселеве, установление над помещичьими крестьянами правительственного попечительства. Напротив, сами казенные крестьяне должны были в соответствии с новыми веяниями освободиться от опеки специально созданного для нее министерства и поступить в ведение общегражданских властей (что осуществилось по закону 18 января 1866 г.). Правда, на низовом уровне административная «вертикаль» в деревне несмотря на протесты славянофилов все-таки утвердилась на знакомой по киселевской государственной деревне системе крестьянского самоуправления. Однако после острой полемики в Редакционных комиссиях и здесь речь не шла о прямом использовании опыта МГИ. В противоположность ему волостные и в особенности сельские органы признано было необходимым освободить от мелочной бюрократической опеки¹⁷, а их внутренние состав и устройство регламентировать не столь жестко, предоставив гораздо больший простор обычаям и инициативе самих крестьян.

Гораздо сложнее было однозначно ответить на вопрос о формах и границах необходимого и желательного правительственного участия в решении земельного вопроса как в помещичьей, так и в государственной деревне. Поскольку принцип инвентаризации крестьянских повинностей, который и предполагал массивное вмешательство чиновников в отношения помещиков и крестьян, уже не рассматривался как значимая цель реформы помещичьей деревни, опыт 1840–1850-х гг. в этой области вроде бы оказывался нерелевантным. Однако о самоустранении правительства речи тоже не шло. В основу «Положений» 19 февраля 1861 г., как известно, лег постепенный и формально добровольный для помещиков выкуп наделов при кредитном содействии правительства¹⁸. При этом Редакционные комиссии пошли на централизованное (и, разумеется, достаточно произвольное) установление высших и низших норм наделов и соответствующих им повинностей¹⁹. Хотя эта система и оставляла помещикам некоторую свободу выбора, но в жестко заданных «сверху» рамках. У крестьян же выбора и вовсе не оставалось. Неудивительно, что эта черта реформы вызвала массовое недовольство и крестьян, и помещиков (хотя, конечно, нельзя считать ее единственной причиной этого недовольства).

Альтернативой произвольным нормам помимо отвергнутой системы свободных договоров могло быть только детальное исследование хозяйственных условий в каждом конкретном имении, т.е. что-то вроде земельного кадастра. Его целью могла бы стать не только фиксация наделов и повинностей, но и разверстание помещичьих и

крестьянских земель с их топографической съемкой. В отличие от инвентаризации имений, которую имел в виду Киселев и которую в конце 1840-х гг. провел в Юго-Западном крае Д.Г. Бибииков²⁰, такой кадастр имел бы целью не связать руки помещикам, а напротив, раз и навсегда «развязать» их с крестьянами. Редакционные комиссии отвергли саму мысль о нем прежде всего из резонного опасения, что реформа затянется, а контроль над ней попадет в руки ненадежных и коррумпированных исполнителей на местах и пристрастных руководителей в центре. Как позднее признавал тот же Самарин, пришлось бы дать «большой простор личному усмотрению мирового посредника, а вследствие этого, для предупреждения ошибок и произвола... дать заинтересованным сторонам полную свободу спора, иными словами... противопоставить одну другой и в то же время усилить контроль сверху. Тогда вся Россия извела бы на опыте бесконечные проволочки и неудобства, сопряженные с делопроизводством инвентарных и других комиссий, так долго работавших в Западных губерниях, и наплакалась бы вдоволь»²¹. Надо заметить, что об опыте введения инвентарей Самарин знал не понаслышке: в 1849–1852 гг. он служил правителем канцелярии Бибиикова в бытность того генерал-губернатором Юго-западного края.

Помимо идеологических и политических причин, возможность массивной государственной интервенции в помещичью деревню была отвергнута и по соображениям, так сказать, технологического порядка. Дело в том, что одним из ключевых мероприятий МГИ при Киселеве было переложение податей крестьян с душ на земли, часто и не вполне корректно именовавшееся кадастром. Его основу составляли определение границ наделов и оценка доходов государственных крестьян. Начатый с целью более справедливого распределения лежавшего на них податного бремени, он, как и все, что делалось тогда в МГИ, имел и другой смысл – дать пример, в соответствии с которым позже могла бы осуществиться инвентаризация помещичьей деревни²². Не вдаваясь в детали этой самой масштабной в XIX в. и до сих пор толком не проанализированной в исторической литературе попытки рационализации налогообложения деревни, стоит отметить, что, несмотря на многолетние усилия и массу затраченных средств, МГИ так и не удалось выработать приемлемых механизмов оценки доходности крестьянских земель и промыслов. Более того, поскольку правила межевания и оценок по ходу дела многократно менялись, итоги работы кадастровых отрядов и согласительных комиссий не могли даже стать материалом для будущих сопоставлений и выводов²³. В результате, если в конце 1830-х гг. в среде столичной бюрократии бытовали представления о кадастре и исследовании «местных условий» как необходимых предпосылок серьезных преобразований в деревне, то спустя пару десятилетий такое исследование рассматривалось скорее как верный способ затормозить дело реформы, поскольку стала ясна вся сложность его организации и ненадежность получаемых результатов²⁴.

Таким образом, идеологическое и практическое влияние «киселевского опыта» на разработку реформы 1861 г. было неоднозначным. Но каким же при этом виделось реформаторам будущее устройство самой государственной деревни? На какой основе должны были, по их мнению, строиться отношения государства с казенными крестьянами? Прямых данных на этот счет сохранилось очень немного. Все мысли членов Редакционных комиссий занимала помещичья деревня; кроме того, МГИ с апреля 1857 г. находилось в руках последовательного противника П.Д. Киселева, а позднее и самих Редакционных комиссий М.Н. Муравьева. Заняв пост министра, тот приступил к пересмотру всего, что было сделано его предшественником. Оценка действий этого «крепостника», «реакционера» и «вешателя» до недавнего времени были предсказуемо одноцветны. По формулировке Н.М. Дружинина, тот был выдвинут «реакционной знатью» для превращения МГИ «в бастион против попыток либерального течения ликвидировать крепостное право». С другой стороны, говоря о конкретных шагах нового министра, Дружинин все же не отказывал им в наличии «прогрессивных черт», которые, конечно, «перекрывались феодально-крепостнической сущностью» его контрреформы²⁵.

В некоторых новейших работах эти прогрессивные черты, напротив, акцентируются, а сам Муравьев и его покровитель в николаевские времена гр. Л.А. Перовский из антигероев превращаются в героев, авторов «перспективных для России инновационных проектов» создания продвинутых фермерских хозяйств²⁶. Гораздо более тонкий и фундированный подход М.Д. Долбилова приводит его к сходному выводу о том, что Муравьев был последовательным сторонником развития частной крестьянской собственности на землю в противовес отстаиваемому Редакционными комиссиями по крестьянскому делу общинному владению. Инструментом же такого насаждения рационального землепользования и землевладения предстает «активное вмешательство власти в ход аграрного развития». Именно эта черта муравьевской программы, как считает Долбилов, отличала его от бюрократов-реформаторов, для проектов которых характерна «фетишизация некоего “природного” разума, будто бы присущего крестьянству». Более того, Муравьеву, по мнению историка, была свойственна «позитивистская вера в бюрократию (как институт), в ее способность адекватно отражать и рационально перестраивать социальную реальность»²⁷.

Думается, что, пытаясь обосновать новый взгляд на своего героя и при этом представить его автором цельной и непротиворечивой программы развития русской деревни, Долбилов «форсировал» одни данные о его деятельности за счет затушевывания других. Как опытный и умный сановник, Муравьев, конечно, понимал, что в новых условиях необходимо сформулировать позитивную программу действий, не ограничиваясь голым отрицанием сделанного Киселевым или планируемого Редакционными комиссиями. Однако одного желания в данном случае было явно недостаточно, создать же сколько-нибудь серьезную по кругозору и интеллектуальному потенциалу команду новый министр был не способен. В итоге его программа выглядела скорее как далекий от цельности набор ситуативных идей и общих мест.

В самом деле, приступая к управлению государственной деревней под флагом «упрощения и удешевления» управления казенными имуществами и извлечения из них больших доходов, Муравьев лишь эксплуатировал уже сложившиеся в «верхах» представления о недостатках «киселевской системы». Его многочисленные риторические сетования на «злоупотребления» ставленников Киселева, вскрытые в ходе демонстративно «ужасительной» ревизии местных органов МГИ, которую он провел вскоре после назначения²⁸, целиком укладываются в традиционные для николаевской эпохи способы конструирования образа решительного и непреклонного государственного мужа. Отнюдь не позитивистская, а самая обыденная, типичная для губернатора николаевской школы вера в «практику» и нелюбовь к «теориям» составляла стержень его мышления. Впрочем, это не помешало ему накануне отмены крепостного права в письме к своему товарищу и будущему преемнику генералу А.А. Зеленому в духе времени превозносить модное сочинение А. де Токвиля «Старый порядок и революция», исполненное иронии по поводу французской бюрократии и ее веры в собственные всевластие и непогрешимость²⁹. В устах карьерного бюрократа старой закалки призыв «учиться у Токвиля» выглядел настоящим фарсом, но, судя по тону письма, министр был вполне серьезен. Он просто не прочитывал всего смысла этого блестящего политического памфлета.

Какие же именно идеи пытался реализовать Муравьев, соединивший под своим началом 3 ключевых для разработки правительственного курса в деревне поста: министра государственных имуществ, главы Департамента уделов и управляющего Межевым корпусом? Важнейшей в их числе была горячая (как вскоре выяснилось) затеянная им в 1859 г. переоценка повинностей казенных крестьян. Ее ближайшими целями было увеличить доходность государственной деревни и одновременно подготовить почву для частичной приватизации казенного земельного фонда. В качестве же еще более заманчивой перспективы вырисовывалась (как когда-то и у Киселева) возможность применить апробированные в МГИ методы в помещичьей деревне.

В основу новой оценки Муравьев положил по-настоящему революционные для тогдашней камералистики принципы. Если «киселевский кадастр» имел целью лишь

более уравнительное распределение (раскладку) *заранее определенной и неизменной* суммы оброка как директивно устанавливаемой государственной повинности, то Муравьев предложил *вычислить реальную доходность* крестьянских наделов и затем уже брать в качестве своеобразной *арендной платы за землю* определенный процент с дохода крестьян (в западных губерниях – $\frac{1}{3}$ валового дохода, в великорусских – $\frac{1}{4}$ чистого). Тем самым казна превращалась бы из попечителя в арендодателя, а чиновники МГИ – в своеобразных «коммерческих управляющих» государственной собственностью. При этом, если прежде изменение размеров оброчной подати государственных крестьян требовало законодательного утверждения, то теперь в качестве арендной платы за казенное имущество она могла быть повышаема властью министра. В этом контексте выглядел логичным отказ от оценки внеземледельческих (промысловых) доходов крестьян (ведь облагать предполагалось уже не личность, а землю), а также идея, согласно которой капитализированную арендную плату можно положить в основу добровольного выкупа наделов наиболее состоятельными из них. По разработанным в 1859 г. правилам, возможность выкупа предоставлялась как целым общинам, так и отдельным домохозяевам (в последнем случае с согласия общества)³⁰. Другой путь рационализации землепользования на казенных землях состоял в попытках создания крупных хуторских хозяйств³¹.

Для массы же менее «достаточных» предусматривалась возможность иного выхода из казенного управления – переселение на владельческие земли. По мысли Муравьева, оно было возможно при условии, что помещики будут наделять крестьян небольшими наделами (1,5–2 десятины на душу), плата за которые должна была определяться «особой комиссией» по оценочному методу МГИ. Остальную же землю (поскольку обязательный надел был явно недостаточен) они должны были снимать, так сказать, на «коммерческих основаниях». Свое видение будущего устройства министр излагал так: «Мне кажется, что этой мерою и иными дополнительными в этом смысле обе стороны будут достаточно обеспечены, крестьяне не будут нищенствовать как в остзейских губерниях, ибо будут иметь некоторую оседлость и средства хотя к малому хозяйству, за определенный правильный платеж... Владельцы же будут получать правильный по оценке оброк за эти участки земли и сверх того будут иметь по добровольным договорам всегда готовые руки для обработки всех остальных своих земель. И на этом основании можно бы устроить и вообще крестьянское дело без больших хлопот и не нарушая прав собственности»³². Что позволяло Муравьеву рассчитывать, что государственные крестьяне предпочтут эти сомнительные с точки зрения выгоды условия уже существующим, гарантированным им обычаям наделам? Очевидно, еще более масштабная перестройка самих принципов наделения их казенной землей. В самом деле, что происходит с арендатором при нарушении им арендного договора, например, задержке арендной платы? В конце 1850-х гг. Муравьев считал нужным официально отстаивать взгляд, что «для пользы государства вообще необходимо отдавать казенные земли в долговременное и в некоторых случаях даже полное владение частных лиц вместо содержания их в казенном управлении, всегда самом невыгодном в видах государственного хозяйства»³³. Может сложиться впечатление, что после назначения на министерский пост он, полностью расставшись с патерналистской философией, с какой-то лихорадочной поспешностью принялся осуществлять программу едва ли не тотальной капиталистической мобилизации государственной земли и «фермеризации» крестьянского землепользования.

Что же мешает доверять этому впечатлению? Прежде всего, многочисленные свидетельства близко знавших Муравьева людей. Я.А. Соловьев вспоминал, что министр (сторонник частной собственности!) как-то в разговоре с ним «долго и последовательно развивал мысль, что крестьянам не следует давать земли на основании его убеждения, что “они, свиньи, изроют только землю”, а... после крестьян перешел к помещикам, разобрал их по косточкам и вывел заключение, что “и помещики не лучше крестьян”»³⁴. В 1859 г. П.А. Валуев, характеризуя взгляды своего тогдашнего начальника, называл его «государственным хамелеоном» и писал, что Муравьев «sehr ruhrig

(очень переменчив (*нем.*) – *И.Х.*) и по-прежнему нигде не стоит твердою ногою»³⁵. По свидетельству видного чиновника департамента уделов В.М. Лазаревского, все 4 года управления министерством Муравьев «барахтался только в мелочах. Уяснить общий смысл дела он даже не пробовал»³⁶.

Еще важнее отметить, что практически все масштабные инициативы нового министра оказались очень плохо продуманными и подготовленными. Стремясь «оседлать волну» и, не останавливаясь ни перед чем, максимально использовать оказавшиеся в его руках административные ресурсы трех ведомств для продвижения «своей программы» решения крестьянского вопроса, он вынужден был хвататься за множество проектов одновременно. Все они были рассчитаны скорее на внешний эффект, чем на долговременный результат.

Особенно явственно это проявилось в предсказуемом провале переоценки наделов и повинностей. Символично, что еще в 1837 г. Муравьев, тогда курский губернатор, осторожно и почтительно предостерегал П.Д. Киселева, что кадастр, основанный на топографической съемке и оценке земель, потребует «по крайней мере полувекового труда» и начинать с него реформу не следует³⁷. Но спустя 2 десятилетия он сам поставил перед министерством задачу еще более амбициозную и трудновыполнимую. В самом деле, вычислить доходность надела в условиях натурального хозяйства и очень слабой включенности крестьян в рыночные связи было невозможно. Но даже если забыть об этом фундаментальном препятствии, процедура требовала множества произвольных допущений. Как оценить стоимость личного труда и натуральных издержек? Каким образом учесть колоссальные колебания урожайности, принять во внимание неуловимые доходы от «промысловых выгод», связанных с расположением усадеб и наделов? Наконец, что делать, если доходность за вычетом повинностей и издержек окажется в области отрицательных величин? Приплачивать крестьянам из казны?

Неудивительно, что предложенная система оказалась уязвима для критики. В 1862 г. бывший член Редакционных комиссий, член Податной комиссии и помощник управляющего делами Главного комитета по устройству сельского состояния (далее – Главный комитет) К.И. Домонтович с иронией указывал, что исчисленные оценщиками МГИ цифры крестьянских доходов настолько произвольны, что $\frac{1}{4}$ чистого дохода в одной губернии оказывается существенно выше, чем $\frac{1}{2}$ валового в другой. Полученные же цифры в большой степени зависят от субъективного взгляда («произвола») оценщика. Ссылаясь на общеизвестный европейский опыт, он заключал, что иначе и быть не может, поскольку результаты любого кадастра сугубо условны, «не выражают и не могут выражать действительных доходов, получаемых крестьянами от земли»³⁸.

Другой ключевой замысел Муравьева, повсеместная передача желающим крестьянам их наделов для выкупа, оказался трудноосуществим по той причине, что такой передаче должна была предшествовать кадастровая оценка, сама же суть кадастра предполагала, что он не может быть «точечным», а должен вестись большими отрядами подготовленных чиновников на всей территории губернии для взаимной проверки результатов. Но даже если отступить от принципов кадастра, «командирование особых чиновников для оценки отдельных усадеб обошлось бы во многих случаях дороже выкупной суммы за усадьбу»³⁹. Это означало, что оценка «дойдет» до многих губерний лишь через годы (как позже на годы затянулась гораздо более простая по исполнению операция – выдача владенных записей по закону 1866 г.).

Наконец, инициатива по рационализации землепользования крестьян упиралась в слабость имевшихся межевых средств. В самом деле, у землемеров МГИ и Межевого корпуса была масса текущих обязанностей, и систематическое привлечение их к внутреннему межеванию крестьянских земель для выдела выкупающихся или устройства хуторов едва ли было возможно. Вновь можно сослаться на прежнее мнение Муравьева 1837 г., когда он советовал Киселеву «употребить межевые средства на разверстание земель между общинами с отделением оброчных статей... и камеральным описанием меж и границ», внутреннее же разверстание «предоставить самим поселянам»⁴⁰. К концу 1850-х гг. кардинальных изменений в состоянии межевого дела не произошло⁴¹

(ощутимый перелом в этой сфере наметился лишь после начала столыпинской реформы!), и как руководитель Межевого корпуса Муравьев не мог об этом не знать. Более того, затеянное им же в 1858 г. сплошное межевание двух малороссийских губерний еще более сузило возможности перенаправить межевые средства в казенную деревню, не говоря уже о помещичьей⁴². Сам Муравьев фактически признал это, отказавшись направлять своих землемеров для реализации «Положений» 19 февраля⁴³.

Все эти соображения, на мой взгляд, не только позволяют более трезво взглянуть на предложения Муравьева как, прежде всего, на ход в политической борьбе, но и оценить реалистичность намеченной выше перспективы кадастра помещичьей деревни. Для его проведения правительству действительно потребовались бы многие годы, и неудивительно, что Редакционные комиссии, буквально считавшие дни и недели и постоянно опасавшиеся реакционного «отката назад»⁴⁴, этим путем не пошли. Вместе с тем, необходимо признать и упрощенность представлений о Муравьеве как о «крепостнике» и «реакционере». Логика политического противостояния заставила его предлагать меры, радикальные по своему либерализму, хотя такой неожиданный идейный «вираж» вряд ли мог быть глубоким и искренним. Вместе с тем «новый курс» Муравьева в МГИ поднял множество принципиальных вопросов, решения которых правительству было трудно избежать. Чей должна считаться надельная земля государственных крестьян? Какова природа платимой ими оброчной подати? Какими должны быть функции государства в казенной деревне? Время давать на них ответы пришло уже после принятия «Положений» 19 февраля.

После роспуска Редакционных комиссий, отставки Н.А. Милютина и назначения министром внутренних дел Валуева, бывшего подчиненного Муравьева, у последнего, казалось, были все шансы положить в основу реформы государственной деревни свои идеи. В представленном им в Главный комитет об устройстве сельского состояния в октябре 1861 г. проекте эти идеи были реализованы в полной мере: право собственности на наделы признавалось за казной, а крестьянам предоставлялось право добровольного выкупа их целиком или частично (или даже одних усадеб) за сумму капитализированного из 5% оброка (при условии уплаты сразу $\frac{1}{5}$ ее части и рассрочки остальной суммы на 10–20 лет)⁴⁵. Формально проект вроде бы соответствовал тем началам, которые легли в основу «Положений» 19 февраля. Однако соответствие было кажущимся. Наиболее фундаментальное отличие заключалось в том, что в основу выкупной суммы должен был лечь не существовавший издавна оброк, а *новая, повышенная оценка земли по ее предполагаемой доходности*. Помещичьи же крестьяне выкупали не землю, а собственные повинности, ведь в основу их выкупных платежей лег оброк, который никакого отношения к стоимости и доходности земли не имел. В отличие от помещичьих земель, подчеркивал Муравьев, на казенных «правительство располагает нужными оценочными средствами для более правильного установления оброков». Обращает на себя внимание и сокращение срока рассрочки (по «Положению о выкупе» 1861 г. в помещичьей деревне он составлял 49 лет). Муравьев сознательно ориентировался на наиболее зажиточную часть крестьянства, которой было выгоднее развязаться с казной быстрее. Важно также, что проект предоставлял казенным крестьянам более широкие права отказа от надела, поскольку они «достаточно уже созрели для того, чтобы сознавать свои интересы, и... лучше, чем кто-нибудь другой могут определить то пространство земли, которое для каждого из них необходимо»⁴⁶. Риторически проект был построен на последовательной, хотя и спокойной полемике с недавно принятыми «Положениями» 19 февраля.

Между тем к концу 1861 г. уже было ясно, что дни так и не заслужившего расположения императора Муравьева в МГИ сочтены. 14 декабря Валуев отметил в дневнике, что «читая обзор действий министерства государственных имуществ, хотя в нем указаны были немаловажные результаты, государь не сказал М.Н. Муравьеву ни одного любезного слова»⁴⁷. С января 1862 г. место министра занял не пользовавшийся в «верхах» большим влиянием А.А. Зеленой. И хотя составленный в МГИ проект шел своим рутинным ходом, судьба его оказалась под большим вопросом. Круги, сочувствовав-

шие принципам «Положений» 19 февраля, должны были взять на себя задачу сформулировать и аргументировать свой подход к новой реформе. В течение 1862 г. этот подход был сформулирован в 3 вариантах. Статс-секретарь К.И. Домонтович выступил от имени Государственной канцелярии. Помимо уже цитировавшихся соображений о сомнительности муравьевских оценок, он оспорил и сами принципы проекта МГИ. Хотя крестьяне и платят оброчную подать за пользование казенными землями, правительство по отношению к ним никогда «не становилось в положение частного владельца, который имеет целью извлечь из принадлежащих ему земель сколько можно более дохода», указывал он. В западных губерниях «гибельные начала частного хозяйства» (вроде сдачи казенных имений в аренду помещикам) укоренились лишь «под влиянием польских учреждений». Кроме того, запретив помещикам при расчете выкупных платежей повышать оброк, правительство не имеет никакого морального права делать это само⁴⁸.

Достаточно радикальную точку зрения отстаивал член Государственного совета и Главного комитета Н.И. Бахтин. По его мнению, земли государственных крестьян следует прямо признать «общественным имуществом», если же кто-то из них пожелает выкупить надел в личную собственность, то деньги должны поступить в распоряжение общины⁴⁹. Напоминая позднейшие эсеровские проекты «социализации земли», взгляд «социалиста» (как именовал Бахтина Валуев) в генеральском мундире отличался от них признанием возможности развития частной крестьянской собственности. Впрочем, у концепции Бахтина был и более современный (и несравненно более радикальный) аналог. Не кто иной, как Н.П. Огарев в том же 1862 г. отстаивал в связи с реформой государственной деревни на страницах «Колокола» идею о необходимости возврата к историческим началам «общественной, или земской собственности». По мнению публициста, она должна вытеснить и частную, и государственную («государеву»), превратив Россию в децентрализованный союз земельных общин⁵⁰. Характерно, что письменная полемика между Бахтиным и Зеленым напоминала одновременно и полемическую статью, и ученый диспут: оба сановника ссылались не только на Свод законов, но и на сочинения историков, принципы сошного письма XVI–XVII вв., указы Петра I и Анны Иоанновны, и т.п.

Но самое удивительное, что сторонником «обобществления» наделов государственных крестьян оказался и... престарелый друг покойного императора, министр императорского двора гр. В.Ф. Адлерберг. В том же 1862 г. в Главный комитет за его подписью⁵¹ была представлена обширная и мастерски составленная записка, в которой совершенно в духе «исторической школы» в правоведении объявлялось: «То, что нерушимо установилось долгою народною жизнью, представляет своего рода право, хотя бы и не вошедшее в писанный закон». Таким правом, по мнению автора записки, и следует считать неотъемлемое обладание государственных крестьян своими наделами. От полной собственности оно отличается только невозможностью отчуждения, но при существовании общины такое отчуждение все равно невозможно. Если в помещичьей деревне пришлось удовлетворить «частное право владельца и единственным для того средством был выкуп», то в казенной государство «не имеет своего особого личного интереса, отдельного от благосостояния весьма большей части населения». При этом нелогично и давать, как предлагал Бахтин, отдельным крестьянам право выкупать у общины свои наделы: «Земля принадлежит в совокупности всему обществу, которое не может продавать ее по частям само себе». Поэтому следует прямо признать ее «неотчуждаемой общественной собственностью», а в будущем открыть общинам возможность «без выкупа разделять земли» в личное владение⁵².

Чтобы по достоинству оценить предложения Бахтина и Адлерберга, следует иметь в виду, что для официальной среды они имели по-настоящему новаторский характер. Сколь бы прогрессивными ни считать идеи Киселева, нельзя не отметить, что он был решительным сторонником признания наделов государственных крестьян собственностью казны. Ссылки на «историческое право» крестьян на землю и мысль о том, что подати казенных крестьян не имеют и никогда не имели характера «платы за землю»

(подобной арендной) обнаруживают в обеих записках явное славянофильское влияние. Еще в конце 1840-х гг. Ю.Ф. Самарин призывал рассматривать крепостное право не юридически, а исторически и приходил к выводу, что полномочия помещика, делегированные тому государством, не вытесняли крестьянского права на землю, как это было в основанной на «завоевании» феодальной Европе, а лишь надстраивались над ним. Такой подход, получивший четкое выражение во вложенной в уста гипотетических крестьян формуле «Мы ваши, а земля наша», был тогда высоко оценен А.С. Хомяковым, который по свойственной ему страсти к диалектике довел его до логического конца. По формулировке Хомякова, «в более абсолютном смысле... право собственности истинной и безусловной не существует: оно пребывает в самом государстве (великой общине), какая бы ни была его форма... Всякая частная собственность есть только более или менее пользование, только в разных степенях»⁵³.

В начале 1860-х гг. этот взгляд преломился в споре Ю.Ф. и Д.Ф. Самариных, имевшем прямое отношение к обсуждаемым в этой статье проблемам⁵⁴. В ноябре 1861 г. Д. Самарин (в период подготовки «Положений» он был членом от правительства в Рязанском губернском комитете, а после их принятия мировым посредником) опубликовал в газете И.С. Аксакова «День» серию статей, в которых пытался развить логически стройную славянофильскую теорию о смысле выкупа крестьянами наделов. Исходной посылкой стала для него как раз мысль, что повинности и крепостных, и казенных крестьян никогда не были поземельной рентой (платой за землю). Так же и выкупные платежи бывших крепостных хотя и платятся *с земли*, не могут считаться платой *за землю*, которая остается и должна оставаться впрямь *общественной* собственностью. Д. Самарин предлагал поэтому переименовать выкупные платежи в государственный налог, обратив его на вознаграждение помещику. По его мнению, «нужно, чтобы оброк, платимый крестьянами, проходя через казну, изменился в принципе своем, нужно, чтобы правительство, став между помещиками и крестьянами, рассекло разом все отношения между ними». Тогда крестьяне прекратят стихийное сопротивление и исправно будут нести государственное тягло, о собственности же они якобы никогда и не помышляли⁵⁵.

В отличие от Хомякова, который все-таки говорил не о существующем, а об идеальном государстве, построенном, в соответствии со славянофильской программой, на началах соборности, Д. Самарин был гораздо более конкретен. Очевидно, именно поэтому его идея тогда же получила отповедь старшего брата. Чтобы не создавать в печати «родственной полемики», статьи последнего в том же «Дне» были подписаны именем коллеги по губернскому присутствию Д. Рычкова. В наблюдениях Д. Самарина много верного, писал его брат. Но нельзя смешивать «два народных воззрения». Первое проистекает из «исторического воспоминания» крестьян об эпохе закрепощения. Но рядом с этим возникает другое воззрение, истекающее «из *чисто практической оценки* условий нового быта; теперь оба эти воззрения сталкиваются и скрещиваются, но *первое постепенно вытесняется вторым* (курсив в оригинале. – И.Х.)»⁵⁶. – Иначе говоря, крестьяне вовсе не твердят заученные «мы государевы, а земля – Божья», а зорко приглядываются к своему практическому положению и любую меру, исходит ли она от правительства или от помещика, оценивают с точки зрения ее хозяйственной выгоды. Таким образом, Ю. Самарин приходил к выводу, что класть в основу будущей политики исчезающие (мы бы сказали «архаические») представления крестьян бессмысленно⁵⁷.

Далее он спорит с братом и по существу. Действительно, оброк – не рента за землю, но и не казенная подать. Но самое важное – эпоха «подчинения всех отношений интересам казенной службы» безвозвратно закончилась. «Мы видим ясное желание ослабить узел, распустить нити, пробудить дремлющую личную и сословную инициативу, приучить к самоответственности, упразднить спекание сверху и ограничить пределы казенной ответственности». Да и для самих крестьян пагубно «отождествление частного интереса казны, как землевладелицы, интереса, противоположного интересу крестьянина как лица, пользующегося землею и платящего за нее, с властью прави-

тельственной». Достаточно того, что казенные крестьяне встречают это отождествление «сверху до низу, во всех инстанциях, в лице окружного, палаты, губернатора и министерства»⁵⁸.

Независимо от того, были ли все участники бюрократической полемики вокруг реформы государственной деревни знакомы с этими статьями в «Дне», нельзя не признать, что и там, и здесь спор шел об одном и том же, хотя и на разных языках. Крайне «либеральной» (в смысле соответствия классической экономической догме) точке зрения Муравьева и Зеленого, согласно которой государство (казна) в экономическом смысле должна уподобиться частному лицу⁵⁹, противостоял взгляд Д. Самарина, резко противопоставившего позитивный «государственный интерес» эгоистическому частному. Чтобы представить перспективу развития этого взгляда, достаточно сказать, что с конца 1870-х гг. он стал ключевым элементом многочисленных постславянофильских консервативных концепций государственного регулирования экономики (немалую роль в их оформлении играл как раз Д. Самарин)⁶⁰. Неизбежные последствия этого подхода применительно к крестьянскому вопросу сформулировал в свое время известный историк и правовед В.В. Леонтович: «Земля, предоставленная крестьянам, является имуществом, которое дается для того, чтобы обеспечить их существование как крестьян». Следовательно, государственные интересы «должны быть под защитой особых юридических постановлений и... вполне логично запретить продажу такой земли лицам, не принадлежащим к крестьянскому сословию... И уж во всяком случае этому следует максимально препятствовать»⁶¹.

«Средняя» же позиция, отразившаяся в записке Адлерберга и созвучных ей мыслях Ю. Самарина, предполагала не дуальную, а трехчленную модель: «государственный интерес» не совпадает с «казенным»; между казной (правительством) и частным лицом существует пространство, где и частному, и «казенному» противостоит «общественное» (или, по терминологии Ю. Самарина и современной политической теории, «гражданское»). Как видим, эта палитра представлений не укладывается в распространенную номенклатуру политических «партий» и правительственных «группировок».

Помимо того, что в ходе полемики в «верхах» по поводу реформы государственной деревни было высказано много принципиальных соображений, саму ее можно считать «образцовой» в одном очень важном отношении: столкновения разных точек зрения, как и полагалось в теории, постепенно выявляли слабости каждой из них, порождая все новые «туры» обсуждений. Еще более способствовали этому неспешность бюрократических процедур, двойственность позиции императора и быстрые перемены в политической обстановке. Первый «тур» подготовки реформы, несмотря на впечатляющую записку Адлерберга, завершился в пользу МГИ. И в Главном комитете, и в Государственном совете большинство без колебаний высказалось за признание казны собственником крестьянских наделов. Признано было также, что переоценку оброка («кадастр») необходимо продолжать, и именно новые оценки по муравьевским правилам должны стать основой для расчетов будущего выкупа. В течение 1863 г. проекты отшлифовывались группой чиновников МГИ и МВД под руководством сенатора Е.Ф. Гана. Однако разработанные ими к концу года проекты⁶² оказались «непроходными».

В середине 1864 г. с новой инициативой выступило Министерство императорского двора. В очередной записке Адлерберга утверждалось, что проекты МГИ «не согласуются с общим направлением крестьянского дела в его настоящем развитии». К этому времени в удельной деревне, а также западных губерниях и Царстве Польском принят был принцип обязательного выкупа крестьянских наделов. Именно он, по мнению автора записки, «позволяет соблности права общин», тогда как проект МГИ приведет к их «насильственному расторжению и... возбудит между крестьянами нескончаемые споры и столкновения по владению землею, к разрешению которых неостанет ни времени, ни средств у местной администрации». Кроме того, процедура добровольного и постепенного выкупа слишком сложна, и дело будет «продвигаться крайне медленно». Исходя из этого, министр двора предлагал обязательный выкуп наделов примерно на тех началах, которые в 1886 г. легли в основу реформы Бунге⁶³.

Однако уже вскоре после этого в конфиденциальной записке председателю Главного комитета вел. кн. Константину Николаевичу от 5 декабря 1864 г. министр двора вернулся к своему прежнему мнению о нежелательности выкупа вообще, поскольку «народ очень хорошо понимает выкуп из частного владения от обязательных отношений к помещикам, но едва ли поймет выкуп в массе от государства». При общинном владении выкуп ничего не добавляет к существующим у крестьян правам. «Выделение же участков из общего владения может представляться легким лишь в проектах», на самом же деле оно «почти невозможно». При этом в записке Зеленому в начале 1865 г. Адлерберг продолжал отстаивать обязательный выкуп по образцу удельных крестьян⁶⁴. Эти колебания отражали неопределенность, которая сложилась в «верхах» в связи с реформой государственной деревни. Важно также отметить, что по сравнению с запиской 1862 г. в 3 последующих заметно нарастал пессимизм по поводу административного потенциала власти в деревне и перспектив перехода от общины к личному землевладению.

В конце 1864 г. членом Главного комитета, а вскоре и Государственного совета был назначен Н.А. Милютин, снискавший расположение императора успешной крестьянской реформой в Царстве Польском. Маятник внутривластного курса на короткое время качнулся влево, и этого оказалось достаточно для пересмотра принципов реформы в государственной деревне⁶⁵. В итоге в записках Константина Николаевича (январь 1865 г.) и К.И. Домонтовича (апрель 1866 г.), ставшего к тому времени директором Департамента окладных сборов Министерства финансов, упор делался на одни и те же мысли. Кадастр дорог и ненадежен, повышение оброчной подати – политически опасно (особенно в казенных имениях Западного края), самое же плохое, что бывшие крепостные полным ходом становятся «собственниками» земли, а государственные крестьяне еще очень долго будут ждать окончания переоценки своих повинностей. Выход вновь виделся в признании наделов общественной собственностью, после чего крестьяне одним росчерком пера превратятся в собственников, а казна ничего не потеряет и сможет даже без труда повысить прежний оброк⁶⁶. Конечно, в логике авторов записок легко обнаружить смысловую подмену: переход временно-обязанных крестьян на выкуп не делал их собственниками, поскольку до выплаты ссуды никаких прав на распоряжение наделами они не получали. Однако этот риторический прием позволял авторам записок сделать вывод: как и прежде, правительство держит единый курс на превращение всех крестьян империи в полноправных собственников земли.

Окончательный проект закона был составлен Милутиным и Домонтовичем. С целью преодолеть сопротивление МГИ и МВД реформаторы пошли на уступки: из проекта были убраны упоминания об общественной собственности (остался только термин «владение»); крестьянам предоставлялось право «освободиться от оброчной подати» (эвфемизм, заменивший понятие «выкуп надела») внесением ее капитализированной суммы. Кадастр по Муравьевским правилам прекращался. Поскольку о новых оценках речи уже не шло, обмежевание и разверстание наделов с помощью топографической съемки тоже становились необязательными. 24 ноября 1866 г. проект был утвержден императором.

Оценивая этот закон, нельзя не признать, что в итоге многочисленных переделок и компромиссов «сглаживания углов» он утратил всякую отчетливость и определенность. Так и не дав ответа на ключевой вопрос, кому принадлежит казенная земля, он неизбежно должен был подвергнуться пересмотру в будущем. При этом закон позволял «развивать» его в двух направлениях: в сторону обязательного выкупа (как и произошло в реальности) и в сторону окончательного признания наделов неотчуждаемой собственностью государства (эта вполне реальная в обстановке 1880-х гг. альтернатива не реализовалась). Единственным вариантом, который был в 1866 г. закрыт на будущее, стал путь, предложенный Муравьевым: медленная и дифференцированная приватизация наделов с помощью добровольного выкупа. При этом вместе с водой был выплеснут и младенец: предполагавшееся по проектам МГИ начала 1860-х гг. развитие

кадастровых и межевых технологий оказалось полностью свернуто и началось вновь лишь во время столыпинской реформы.

Причины, по которым был отвергнут муравьевский вариант, очевидны. Но почему обязательный выкуп состоялся не в 1866 г., а лишь 20 лет спустя? На мой взгляд, главным препятствием на его пути была теория «исторического права» крестьян на землю, согласно которой выкуп того, что и так принадлежало крестьянам, представлял несправедливой бессмыслицей. Парадоксальным образом в «консервативное» царствование Александра III провести приватизационный закон 1886 г. оказалось легче, чем в либеральную эпоху Великих реформ. Дело в том, что к середине 1880-х понятия о «крестьянской собственности» утратили даже тот нечеткий либеральный смысл, который вкладывался в них в начале 1860-х гг. На наделы перестали смотреть как на будущую частную собственность, а выкуп их из принципиальной меры превратился в фикцию.

И все же три столь разных эпохи (1840-е, 1860-е и 1880-е гг.) в чем-то были едины. И при Киселеве, и при Муравьеве, и при Бунге правительство было озабочено выстраиванием системы контроля над происходящим в деревне. Несмотря на все идеологические сдвиги и мутации, эта потребность оставалась стержнем аграрной политики. Однако вопреки тому, что можно было бы ожидать, за полвека в этой сфере не произошло никаких существенных подвижек. Административные технологии и масштаб присутствия власти в деревне в общем и целом остались на прежнем уровне. Это обстоятельство, недостаточно, на мой взгляд, оцененное в историографии, оказывало очень большое влияние на судьбу крестьянской реформы. Неудивительно, что многие ключевые правительственные меры в этой сфере вплоть до первой российской революции определялись не столько желаемым, сколько возможным.

Примечания

¹ См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1–2. М.; Л., 1946; 1958; *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990; *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005; *она же.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009; и др.

² См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. С. 551–566; *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984. С. 39–41, 159–161, 217; и др.

³ ПСЗ-II. Т. 41. № 43888.

⁴ См.: *Зайончковский П.А.* Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 г. о государственных крестьянах // *История СССР.* 1958. № 4. С. 111.

⁵ ПСЗ-III. Т. 5. № 2988.

⁶ См. об этом: РГИА, ф. 126, оп. 1, 1847 г., д. 102.

⁷ Впрочем, в аристократической среде в 1840-х гг. существовал и альтернативный подход, сторонники которого желали превратить права и полномочия помещика из частных в публичные и ради этого готовы были согласиться на некоторую государственную регламентацию своих отношений с крепостными (*Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 37–39).

⁸ Так, один из видных представителей этой когорты чиновников, А.П. Заблоцкий-Десятовский в подготовленной для Киселева в 1841 г. секретной записке «О крепостном состоянии в России», доказывая пагубность безземельного освобождения крестьян и системы свободных договоров их с помещиками, заключал: «Одна только самодержавная власть в состоянии пролить новый источник жизни, обеспечив свободное и разумное развитие народной деятельности. Одна она в силах привести в исполнение идеи, связывающие поколения отжившие, исторические, с поколениями грядущими, направляя свои действия по вечным законам порядка и истины, хотя бы при осуществлении их она встретила с болезненным ропотом какой-нибудь забытой, частной корысти» (*Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время: Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 4. СПб., 1882. С. 344). В этой цитате стоит подчеркнуть не только мотив «исторических основ» будущего устройства, но и

отчетливое противопоставление «вечных законов» частным (а значит, по мысли Заблоцкого, корыстным) интересам помещиков. Подобная логика, разумеется, в корне противоречила классической либеральной доктрине, усматривавшей именно в частных интересах движущую силу развития общества и экономики. О «либеральной бюрократии» см.: *Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861*, Dekalb, 1982.

⁹ См.: *Дружинин Н.М.* Крестьянская община в оценке Гакстгаузена и его русских современников // Ежегодник германской истории. 1968. М., 1969; *Потанинко О.А.* Гакстгаузен о России // Россия и Запад: диалог культур. Сборник статей. Вып. 1. М., 1994; *она же.* Переписка А. Гакстгаузена и Э. Раден как источник по истории освобождения крестьян в России // Вестник МГУ. Серия «История». 1995. № 2; *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России. 1805–1905. М., 2008. С. 174–176.

¹⁰ См., например, именно такое мнение Киселева, высказанное им в 1857 г.: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 335.

¹¹ См. об этом: *Христофоров И.А.* В поисках единства: административные преобразования в контексте Великих реформ (1850–1870-е гг.) // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 177–184.

¹² У нас в стране, как и в Западной Европе, она в это время пользовалась известностью преимущественно во французском прочтении Ж.-Б. Сэя (1767–1832), Ф. Бастиа (1801–1850) и Ш. Дюнуайе (1786–1862). Основные произведения этих авторов были написаны задолго до конца 1850-х гг. и к тому времени если и не считались устаревшими, то явно не были и какой-то новостью. Более того, в России на их идеи опирались даже сугубо охранительные по убеждениям ученые типа А.И. Бутовского. (*Цвайнерт Й.* Указ. соч. С. 135–143).

¹³ См.: *Kahan A. Aristocratic Liberalism: The Social and Political Thought of Jacob Burckhardt, John Stuart Mill and Alexis de Tocqueville.* Oxford, 1992.

¹⁴ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. Т. 3. С. 344.

¹⁵ См.: *Семенов Н.П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. Т. 1. СПб., 1889. С. 303–310, 342–355; *Трубецкая О.* Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. Т. 1. Кн. 2. М., 1904. С. 42–44.

¹⁶ РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 1142, л. 25–27. Еще резче эта мысль была выражена примерно тогда же в письме Ю.Ф. Самарина к В.А. Черкасскому: «Наши крестьяне стоят выше казенных и удельных, по крайней мере, стоят в условиях гораздо более благоприятных для гражданского их воспитания. Оно началось с борьбы, с тяжбы, которую можно вести с другим сословием и которой не может быть там, где с одной стороны начальство приказывающее, с другой подчиненные. Вот огромное историческое значение срочнообязанных отношений. Не будь их, число казенных крестьян умножилось бы на 11 миллионов – и только. Свободных крестьян все-таки бы не было» (*Трубецкая О.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 305).

¹⁷ См.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 160–161. Нельзя согласиться с Н.М. Дружининым, что отличия проектов Редакционных комиссий от практики МГИ были только внешними (См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. С. 561).

¹⁸ См.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 156–176, 233.

¹⁹ Об уязвимости расчета величины наделов см.: *Долбилов М.Д.* Статистический эксперимент реформаторов: коллизии в расчетах вышин размеров крестьянских наделов при освобождении // Россия сельская / Отв. ред. А.П. Корелин. М., 2004.

²⁰ См. об этом: *Moon D.* The inventory reform and peasant unrest in right-bank Ukraine in 1847–48 // *Slavonic and East European Review.* 2001. Vol. 79. P. 653–697; *Мацумура Т.* Трансформация деревни Правобережной Украины накануне освобождения крестьян и роль инвентарных правил // Социальная трансформация и межэтнические отношения на Правобережной Украине: XIX – начало XX вв. / Под ред. К. Мацузато. М., 2005.

²¹ *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. Т. 4. М., 1911. С. 389. Цитируемая статья опубликована 3 февраля 1862 г.

²² См.: *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность... С. 84–85. Благодарю И.В. Ружицкую за любезную консультацию по этому поводу.

²³ См.: Комиссия высочайше учрежденная для улучшения системы податей и сборов. Пояснительная записка о работах по соглашению оценок государственных имуществ между губерниями. СПб., 1860. С. 8–10.

²⁴ Там же. С. 12–15, 88–89; РГИА, ф. 1181, оп. 1, 1861 г., д. 46, л. 150 об.

²⁵ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. С. 540, 546.

²⁶ *Дунаева Н.В.* Принудительная «крестьянская приватизация» земли и ее правовые последствия // Власть. 2009. № 12. С. 148; *она же.* Удельные крестьяне как субъекты права Российской

ской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.): Историко-правовое исследование. СПб., 2006.

²⁷ Долбилов М.Д. М.Н. Муравьев и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства // Отечественная история. 2002. № 6. С. 76–78, 87; *он же*. Земельная собственность и освобождение крестьян // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 122–128.

²⁸ См.: Долбилов М.Д. М.Н. Муравьев и освобождение крестьян... С. 71.

²⁹ Голос минувшего. 1914. № 11. С. 227.

³⁰ Инструкция для оценки казенных земель, состоящих в пользовании государственных крестьян. СПб., 1859; РГИА, ф. 385, оп. 2, д. 1469, л. 11–12.

³¹ РГИА, ф. 1181, оп. 1, 1861 г., д. 4а, л. 24 об.–25. Муравьев провозглашает здесь целью не просто переход от общинного землепользования к участковому, но «консолидацию разрозненных участков в фермерские хозяйства» с введением, где возможно, «колониального» (т.е. отрубного) хозяйства. Ср.: Долбилов М.Д. М.Н. Муравьев и освобождение крестьян... С. 73–74.

³² Голос минувшего. 1914. № 11. С. 228. Цитируемое письмо А.А. Зеленому датировано 25 июля 1860 г.

³³ ГА РФ, ф. 811, оп. 1, д. 24, л. 37–37 об.

³⁴ Русская старина. 1882. № 3. С. 574.

³⁵ Там же. 1891. № 10. С. 144–145.

³⁶ РГАЛИ, ф. 277, оп. 2, д. 3, л. 33. Я искренне признателен М.Д. Долбилову, который познакомил меня с этим ценным источником.

³⁷ ГА РФ, ф. 811, оп. 1, д. 19, л. 9–12.

³⁸ РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 536, л. 8 об., 13–14. См. также: Об общих основаниях преобразования системы прямых податей в империи, с приложениями. Б.м. 15 июля 1862 г. С. 38–41.

³⁹ РГИА, ф. 1181, оп. 1, 1861 г., д. 4б, л. 70.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 811, оп. 1, д. 19, л. 10.

⁴¹ Подробнее см.: Материалы для преобразования межевой части в России. Записка, составленная по распоряжению и указанию управляющего Межевым корпусом. Ч. 1–5. СПб., 1866.

⁴² Там же. Ч. 1. С. 76–77.

⁴³ РГИА, ф. 1181, оп. 1, 1861 г., д. 61, л. 11–13.

⁴⁴ См.: Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 160.

⁴⁵ РГИА, ф. 1181, оп. 1, 1861 г., д. 4а, л. 1–63.

⁴⁶ Там же, л. 45.

⁴⁷ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. М., 1961. С. 133.

⁴⁸ РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 536, л. 16–17. Ср.: РГИА, ф. 1181, оп. 1. 1861 г., д. 4б, л. 67–78.

⁴⁹ Там же, л. 88–95.

⁵⁰ См.: Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 1. М., 1952. С. 590, 594–598, 610–611. Статьи были опубликованы 15, 22 июня и 1 июля 1862 г.

⁵¹ Реального автора записки установить не удалось. По существовавшей тогда практике, такого рода документы составлял для министров кто-либо из пользующихся доверием подчиненных. В данном случае этим человеком мог быть состоявший при министре императорского двора по ведомству уделов близкий друг братьев Милютиных, бывший член Редакционных комиссий И.П. Арапетов.

⁵² РГИА, ф. 1181, оп. 1, 1861 г., д. 4б, л. 137–142.

⁵³ Цит. по: Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 61.

⁵⁴ Эта полемика не привлекала внимания историков. Так, Е.А. Дудзинская в своей книге «Славянофилы в пореформенной России» (М., 1994) о ней даже не упоминает.

⁵⁵ Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 1. М., 1903. С. 12.

⁵⁶ Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 4. С. 395–398.

⁵⁷ Там же. С. 413.

⁵⁸ Там же. С. 407–416.

⁵⁹ В общественной среде идею о большей рентабельности частного хозяйства по сравнению с казенным и, соответственно, о необходимости приватизации государственных имуществ отстаивал на рубеже 1850–1860-х гг. западнический «Русский вестник» М.Н. Каткова. Напротив, левые «Отечественные записки» предлагали сохранить казенный земельный фонд для обеспечения будущих поколений крестьянства (Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978. С. 104. Последнюю точку зрения высказывал в Редакционных комиссиях и Н.А. Милютин.

⁶⁰ См.: *Христофоров И.А.* Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике и общественном мнении конца 1860-х – начала 1880-х гг. // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 528–530.

⁶¹ *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 201.

⁶² См.: РГИА, ф. 1181, оп. 1, 1861 г., д. 4г.

⁶³ Там же Д. 4д, л. 24–82.

⁶⁴ Там же. Л. 116–181.

⁶⁵ См.: *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009. С. 62–67.

⁶⁶ РГИА, ф. 1181, оп. 1, 1861 г., д. 4д, л. 245–270; д. 4е, л. 1–36.

© 2011 г. С. А. РЕПИНЕЦКИЙ *

МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ И ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПЕЧАТИ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Деятельность цензуры затрагивалась практически во всех работах, посвященных эпохе Великих реформ, и не раз освещалась в монографиях, диссертациях и статьях¹. И все же динамика изменения цензурной политики в 1856–1860 гг. и личная позиция цензоров в разворачивавшейся общественной борьбе отражены в них далеко не полно. В Российской империи в 1856–1860 гг. цензура осуществлялась прежде всего цензурными комитетами, находившимися в ведении попечителей учебных округов. Отдельно существовала духовная и военная цензура, а публикации, затрагивавшие специальные вопросы, пересылались для изучения в соответствующие министерства, что затрудняло и замедляло издательскую деятельность и болезненно переживалось редакторами периодических изданий. Цензура иностранных произведений проводилась в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Вильно, Киеве, Одессе, Риге, Дерпте и Ревеле. Высшими цензурными инстанциями были Главное управление цензуры и Главный цензурный комитет Министерства народного просвещения, именно туда направлялись все издания, в позволительности которых сомневались служащие на местах. Кроме того, проверку уже дозволенных публикаций министр народного просвещения мог поручить своим чиновникам по особым поручениям. Численный состав российской цензуры был невелик: одновременно по стране эти задачи выполняли около полусотни чиновников различных рангов.

Как известно, 1856–1857 гг. стали периодом пробуждения общества, замешательства правительства и отступления цензуры². С 1856 г. количество разрешаемых в России иностранных изданий стало превышать количество запрещаемых и дозволенных с купюрами. В 1857 г. подозрения и нарекания, как правило, вызывали обличительные статьи и публикации, косвенно затрагивавшие крестьянский вопрос, открытое обсуждение которого в печати еще не было разрешено. Так, характеризуя статью «Бюджеты с.-петербургских чиновников» в журнале «Экономический указатель», чиновник особых поручений Палаузов 16 апреля отмечал: «Неизвестный автор, помеченный буквой Н., старается показать, как недостаточно вообще жалованье, которое получают чиновники гражданских ведомств. Мысль эта сокрыта у автора под формой приход-расходного счета четверых чиновников, служащих в одном и том же департаменте. Статья эта вовсе не имеет политико-экономического достоинства и скорее имела бы место в журнале юмористическом нежели в столь серьезном и специальном издании как “Эконо-

* **Репинецкий Станислав Александрович**, кандидат исторических наук, ассистент Московского городского педагогического университета (Самарский филиал).